

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВВОДНАЯ

Глава I. СРАВНЕНИЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Сравнительно-исторический подход

Известна философская мысль: познание себя достигается путем познания других. Собственное «я» утверждается лишь опосредованно, с помощью многочисленных сопоставлений. Подлинные качества человека, исконные и единственные в своем роде, оцениваются лишь путем сравнения.

Сравнение — это средство приобретения знания. Поскольку осознание единичного факта связано с пониманием многих фактов, поскольку частное лучше всего постигается в свете универсальных представлений, проведение сравнения в десятки раз увеличивает возможность объяснения того или иного явления.

Таким образом, сравнение является ключом к познанию. Именно это делает его одним из наиболее плодотворных направлений мышления. Оно помогает избавиться от унаследованных закостенелых представлений, обязывает пересмотреть обоснованность привычных, «само собой разумеющихся» суждений и необычайно расширяет кругозор.

Напомним, что Э. Дюркгейм видел в сравнительной социологии сущность социологии вообще¹. Действительно, природа любой стратификации — социальной, социокультурной и этнической — заключена в различиях между группами людей. В частности, «загадочная» национальная специфика возникает только тогда, когда мы начинаем сравнивать хотя бы два разных народа. И лишь то, что при этом сравнении не совпадает — в искусстве, языке, быте, психологии, поведении, внешности и т. п. — как раз и называется «национальной спецификой». А то, что при этом оказывается одинаковым (т. е. как бы «общечеловеческим»), исследователей-этнографов, как правило, не интересует. В немецком языке есть даже две этнографии — *Volkkunde* («наука о народе») и *Völkerkunde* («наука о народах»). Первая предполагает детальное изучение одного народа, обычно — своего собственного. Вторая же занимается сравнительным изучением многих народов и культур, выявлением сходства и различия между ними. Не случайно поэтому первая, превратившись в своего рода краеведение, сблизилась, по сути, с музейной работой, ограничившись перечислением и описанием элементов национальной культуры. А магистральная линия науки об этносах в XX веке была связана именно с

развитием сравнительной этнографии, ибо нельзя ничего изучать, не имея возможности сравнения. Удовлетворительное понимание любого культурного явления возможно лишь при сопоставлении его с другими в какой-то определенной системе отсчета.

Современные социологи утверждают: «Сравнение – это обычный способ мышления. Нет ничего более естественного, чем рассматривать народ, идеи, социальные институты, соотнося их с другими народами, идеями и институтами. Мы приобретаем знание через сравнение»². А между тем, нынешние социологи — всего лишь последователи большой группы знаменитых писателей и философов прошлого, таких, как Кант и Гете, Стендаль и Шатобриан, Байрон и Шелли, которые, каждый в свое время, открыли для себя по крайней мере одну новую страну — Италию. Работа француза А. де Токвиля является одним из лучших исследований американского общества³. Специфические особенности французской культуры ясно предстали Токвилю лишь после того, как он смог оценить их в свете непосредственного знакомства с другой культурой, в данном случае американской. Более глубокому пониманию Р. Дарендорфом немецкого общества способствовало то, что было заимствовано им во время пребывания в Англии.

Существует большой объем исследований разных стран, которые представлены работами иностранцев. Написанные «на расстоянии», они способствуют более глубокому пониманию предмета исследования. На этот счет существует огромное количество примеров. Также хорошо известен вклад Э. Галеви в представление об Англии девятнадцатого столетия.

И все они имели возможность убедиться в том, что знакомство с иными культурами всегда помогало сделать суждение о собственной культуре более объективным. «Истина по эту сторону Пиренеев, заблуждение — по другую» — первым заявил Монтень, а вслед за ним Паскаль⁴. «Пробудьте в Лондоне год, — писал французский историк Ф. Бродель, — и вам не слишком много удастся узнать об Англии. Но путем сравнения, в свете того, что вызвало ваше удивление, вы вдруг начнете понимать некоторые из наиболее глубоких и характерных особенностей Франции, которых вы ранее не понимали, поскольку они для вас были слишком привычны»⁵.

Вот пример. «Ехать в Париж со своей женой, — писал Чехов, — это все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром». И сам пал жертвой собственной предвзятости. Приехав в Париж, он немедленно отправился в кабаре «Мулен-руж» и в тот же день написал сестре о своем разочаровании.

За несколько веков удалось собрать огромный сопоставительный материал, позволяющий сравнивать разные страны, регионы и народы. Став со временем общепризнанным в общественных науках XIX в., сравнительно-исторический метод позволил сопоставлять относительно самостоятельные культуры, формировавшиеся в истории человечества. Это дало возможность значительно расширить представления о социокультурных различиях народов.

Признание факта существования культурного многообразия, значимых различий между культурами разных народов, исторических эпох, цивилизаций — необходимая предпосылка и исходное основание сравнительных исследований.

В западной социологии в XIX в. интерес к сравнительно-историческому методу был связан с влиянием О. Конта и Г. Спенсера, которые считали его основным методом социологического исследования, истолковывая этот метод в духе эволюционистской линейно-поступательной трактовки развития.

Совершенно иной подход к интерпретации сравнений применяли Н. Данилевский, К. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби и П. Сорокин. Разумеется, каждый из них мыслил по-своему, но объединяло их (с самой общей точки зрения) то, что все они отвергли линейно-прогрессистские схемы классической философии истории нового времени и стремились отойти от европоцентристских установок. Для них история представляла собой непрерывную смену жизненных циклов исторического развития, в котором ведущую роль играла динамика человека, культуры и науки. Ими была выдвинута идея о существовании культурно-исторических типов локальных цивилизаций, переживающих сходные фазы в своем развитии. Локальные цивилизации выражают культурно-исторические, этнические, религиозные, экономико-географические особенности отдельной страны, группы стран, этносов, связанных общей судьбой. Впервые эта идея была выдвинута в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1889 г.), где автор выделил 11 таких типов, развивающихся подобно биологическим организмам.

Еще более широкую известность идея культурно-исторических типов, «переживающих сходные фазы в своем развитии», получила после публикации в 1918 г. книги О. Шпенглера «Закат Европы». Он развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов» (египетского, индийского, китайского и т. д.), выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл. Шпенглер сравнивал стадии развития индийской, египетской, античной, арабской и западной культур, находя в них много общего. Ему же принадлежит идея о полицикличности исторического процесса: «Каждая культура, каждая ранняя пора, каждый подъем и спад, каждый из ее внутренне необходимых уровней и периодов имеют определенную, всегда равную, всегда со значимостью символа периодически возвращающуюся длительность <...>. Что значит резко выделяющийся во всех культурах 50-летний период в ритме политического, духовного и художественного становления? Или 300-летие периода барокко, ионики, великих математик, аттической пластики, мозаичной живописи, контрапункта, галилеевской механики? Что означает идеальная продолжительность жизни в одно тысячелетие для каждой культуры?»⁶

Эту традицию продолжил и П.А. Сорокин, который синтезировал взгляды социологов самой различной ориентации. Существование жизненных циклов в судьбе каждого народа отмечал также Н.А. Бердяев: «Если взять судьбы народов, судьбы общества, судьбы культур человеческих в истории, — писал он, — то мы видим, что все культуры, все эти общества и все народы переживают в судьбе своей разные периоды — период зарождения, детства, возмужания, высшего расцвета и, наконец, период старости, дряхлости, отцветания и смерти. Все великие национальные культуры и все общества подвергались этому процессу одряхления и умирания. Ценности культуры — бессмертны, в культуре есть неумирающее начало, но сами народы, как живые организмы, изживающие свою судьбу в истории, смертны, — после периода высшего своего цветения они начинают спускаться вниз и дряхлеть»⁷.

Однако наиболее тщательно разработал теорию круговорота локальных цивилизаций английский историк А. Тойнби. В его 12-томном труде «A Study of History» («Исследование истории») (1934–1961 гг.), основное содержание которого издано на русском языке в 1991 г. под названием «Постижение истории», он выделил 21 замкнутую цивилизацию, каждая из которых проходила в своем развитии стадии генезиса, роста, надлома, разложения, заканчивающегося гибелью, сменой цивилизаций⁸.

Идеи культурно-исторических типов нашли отражение также в исторических и этнографических трудах Л.Н. Гумилева. Исследуя жизненный цикл 40 индивидуальных этносов, он вывел кривую этногенеза, которая длится около полутора тысяч лет и включает следующие последовательно сменяющие друг друга фазы: инкубационный период (когда идет формирование нового этноса); пассионарный подъем; акматическая фаза; надлом; инерция; обскурация; регенерация; реликт. Фазы различаются по численности и результативности действий пассионариев – активных, самоотверженных личностей; однако само их распространение связывалось со ступками космической энергии, т. е. первоисточник исторического прогресса оказывался вне человека⁹.

Конечно, все они исходили из самых разных теоретических посылок. Скажем, Данилевский и Леонтьев опирались на симбиоз идей славянофильства и позитивизма; Шпенглер — на теоретические построения Гёте, Шопенгауэра, Ницше и Бергсона; Тойнби же осуществил синтез «философии жизни» с религиозными установками.

И все же, при всем различии теоретических позиций, все они решали важнейшую задачу сравнения культур. Общим для них было и то, что в их трудах все культуры предстают целостными образованиями, подобными живым организмам и подверженными циклическому ритму развития: от генезиса, роста, расцвета до надлома и ухода в небытие¹⁰.

В это же время предпринимались попытки соединить сравнительно-исторический подход в социологии с другими, в частности, Л. Кетле — со статистическим подходом. Позднее социологи Э. Трельч и М. Вебер преобразовали сравнительно-исторический подход в сравнительно-типологический.

Применительно к сравнительному изучению художественной культуры аналогичным сравнительным подходом стал т. н. культурно-исторический, который исходил из понимания литературы и искусства как части общей духовной культуры и опирался на взаимодействие художественных явлений с широким полем культуры. Первый толчок к развитию культурно-исторического метода дал И.Г. Гердер. Основателем же культурно-исторической школы на Западе стал французский теоретик искусства И. Тэн. Культурно-исторический метод развивали на Западе Г. Геттнер и Г. Пауль, а в России — А.Н. Пыпин и Н.С. Тихонравов. Его сторонниками в разное время были А.А. Шахов, С.А. Венгеров, А.И. Кирпичников, Н.П. Дашкевич и др.

Во второй половине XX в. сравнительно-исторический подход находит применение в самых разных общественных науках. В системе социально-гуманитарного знания сравнительные исследования получили наибольшее развитие в рамках историко-культурного анализа, в сравнительном языкознании, литературоведении, в области антропологии, в ориенталистике, в сравнительно-политическом анализе. Но наиболее широко сравнение используется **в английской социальной антропологии**.

Стимулом для широких сравнительных исследований послужило обнаруженное большое разнообразие форм социальной жизни, обычаев, верований различных народов. Собранный исследователями огромный этнографический и исторический материал позволил проводить широкие сравнения. Типичным примером такого рода исследований является классика ранней социальной антропологии — «Золотая ветвь» Д. Фрэзера. Фрэзер, Ланг и другие внесли значительный вклад в развитие сравнительно-культурных исследований. В частности, в конце XIX в. Э.Б. Тайлор суммировал данные о 350 народах в виде таблиц в качестве основы для сопоставительного анализа их культурных черт.

Надо отметить, что свои фундаментальные исследования и обширные сравнения эти ученые проводили на основе большого, но бессистемного фактического материала, собранного случайными свидетелями, не обладавшими специальной подготовкой (путешественниками, торговцами, солдатами, миссионерами), с привлечением не всегда достаточных или удовлетворительных письменных исторических источников¹¹.

Вместе с тем эти сравнения (например, между индейцами Северной Америки и народами античности, между религиозными обычаями Древнего Египта и различных бесписьменных народов Западной Африки) обнаружили, что при всем разнообразии форм социальной и идеологической жизни в них есть нечто общее. Выявленные сходства и различия трактовались почти исключительно в свете общепринятой эволюционной схемы как лежащие в единой плоскости однолинейного прогрессивного социального развития. Таковы были первые результаты использования сравнительного метода и теории эволюции в социальной антропологии.

В Англии социальная антропология сложилась как самостоятельная дисциплина, целиком основанная на сравнительно-историческом подходе¹². Название «социальная антропология» стало употребляться с последней четверти XIX столетия. Эта наука сформировалась в связи с развитием этнокультурных исследований, изначально ориентированных преимущественно на изучение примитивных культур. Выработка системы специальных показателей позволила осуществлять сопоставление и различение «цивилизованного» и «нецивилизованного» мира, различать примитивные сообщества между собой.

Интересно отметить, что многие ученые, работавшие или работающие в английской социальной антропологии и оставившие в ней заметный след, не англичане по происхождению, и их научный облик во многом складывался не на основе британских научных традиций. К их числу принадлежат, например, поляк Б. Малиновский, австриец Ф. Надель, немец Л. Ганн, уроженец Южной Африки М. Глакмэн.

Один из основоположников современной британской социальной антропологии А.Р. Рэдклифф-Браун прямо называл социальную антропологию «наукой сравнительной социологии», которая ищет и изучает всеобщие законы, управляющие человеческим обществом¹³. Для социальной антропологии сравнение особенно важно в связи с ограниченными возможностями применения эксперимента в общественных науках. «Теоретическая социология, — писал Рэдклифф-Браун, имея в виду социальную антропологию, — должна основываться на сравнении, ибо сравнение в этой науке должно во многом заменить эксперимент в других науках»¹⁴.

Социальная антропология с самого начала сложилась как наука синтетическая, междисциплинарная, использующая методы этнографии, социологии (в том числе теоретической) и философии. С этнографией у социальной антропологии были традиционные связи и прежде всего общий объект изучения — «примитивные», слаборазвитые народы. С социологией роднил поиск нового подхода к изучаемому материалу, новых методов исследования. С философией и теоретической социологией общую социальную антропологию объединяет стремление решать вопросы мировоззренческого характера, поиск общих законов развития человеческого общества¹⁵.

В Соединенных Штатах эмпирические социальные исследования, проведенные в 20-х гг. XX в., были изначально ориентированы в немалой мере на сравнительный социально-культурный анализ. Наиболее явно это было сформулировано основоположниками т. н. Чикагской школы, акцентировавшими проблемы изучения культурно-

разнообразного пространства, сопоставления его характеристик между собою. Для того, чтобы объяснить наблюдавшиеся ими контрасты в социальном поведении поляков и итальянцев, ирландцев и чернокожих, социологи Чикагской школы в начале XX века и произвели на свет своеобразную концепцию культуры¹⁶. Они были среди первых, кто обратил внимание на различия обществ, на то, насколько устойчивыми и значимыми являются психологические барьеры, навязанные им историей.

Но не только социально-философская мысль интересовалась сравнительными исследованиями. Одновременно в связи с развитием этнокультурных дисциплин сформировался и эмпирический тип такого исследования. Настоящий взрыв популярности эмпирических сравнительно-культурных исследований произошел после Второй мировой войны. Он проявился в широком разворачивании значительного числа исследовательских проектов (Р. Бенедикт, Д. Лернер, А. Инкельс, Х. Кантрил, М.Л. Фарбер, Н. Рогоф Рамсей, Ф.У. Фрей, К.В. Бак, М. Стикос и др.), в широком распространении опросов общественного мнения, ориентированных на выявление социально-культурных различий преимущественно в количественных показателях. Европейские и американские социологи начали вторжение в страны четырех континентов, вооруженные своим научным инструментарием. Они быстро обнаружили, не без чувства горечи, всю неэффективность своих «универсальных» европоцентристских концепций. Оказалось, что вопросы, исполненные смысла в Англии и Скандинавии, шокировали японцев и не могли быть поняты арабами.

Для уменьшения всех этих сложностей был предпринят ряд важных шагов. Так, например, в конце 1960-х гг. в США была опубликована «Стандартная кросс-культурная выборка» из 186 культур; сформированы Human Relations Area File — картотеки, в которых представлены в закодированном виде доклады более чем по 500 «культурам», описания которых преобразованы в переменные; в культурно-политической области к такому типу исследований относится Cross-Polity-Survey¹⁷.

В настоящее время сравнительные исследования проводятся в разных странах с различным успехом. Так, например, известна серьезная работа Чэнь Чжихуа «О некоторых методологических принципах сравнительного изучения китайской и западной культур», где автор подчеркнул, что «исследователь не должен оценивать “чужую” культуру исключительно с позиций “своей” культуры»¹⁸. Большой интерес в данном отношении вызывает упомянутая выше работа В. Шубарта «Европа и душа Востока». Француз А. Зигфрид полвека тому назад показал, что менталитет британского правящего класса смог вызвать «Британский кризис в XX веке» («Crise britannique au XX siècle»). Англичанин Д. Брайс в начале XX века в своей работе «Американская федерация» («American Commonwealth») показал, как система отбора кандидатов на пост президента в Соединенных Штатах может отторгать выдающиеся таланты. Американец Э. Бэнфилд за время своего сравнительно короткого пребывания на юге Италии зафиксировал нормы поведения населения, не доверяющего центральной власти. Существование 450 тыс. муниципальных советников во Франции является фактом, которому французские политологи не придают большого значения. Но для иностранца, вроде С. Торроу, этот факт представляет собой исключительное явление, требующее пересмотра некоторых стереотипов, обычных для многих французов. Одним из таких стереотипов является суждение о недостаточном участии в управлении. Угасание большинства крупных американских городов было поначалу отмечено не аме-

риканскими наблюдателями. Уже перед Второй мировой войной в трудах, написанных европейцами, был проанализирован этот упадок, который ученые с западного побережья Атлантики обнаружили гораздо позже. В то же время австралийские географы поражаются существованию деревень в Европе¹⁹.

Американскому политологу Р. Роузу глубже всех удалось проникнуть в сущность политической системы Великобритании. Представляя свою книгу «Великобритания: прогресс и упадок» («Britain: Progress and Decline»), он и его соавтор В. Гвин отмечают, что написанию книги помогли американцы, проживающие в Англии, и англичане, живущие в Америке. Труды Л. Дюмона об Индии, а также Ж. Берка об арабском мире известны во всех странах, которые они описывают. То же самое можно сказать об исследовании Норвегии, принадлежащем Х. Экштейну, или Италии, проведенном Д. Лапа-Ломбарой, Германии — Л. Эдингером, Японии — Х. Баервальдом, Б. Ричардсоном и Э. Рейхауэром²⁰.

Все эти работы — и на Западе, и в России — со временем создали основательный концептуальный фундамент для проведения сравнительных («компаративных») исследований ментальности современных цивилизаций и народов.

В 60-е годы XX в. сравнительно-культурные (компаративные, или кросс-культурные) **исследования приняли характер настоящего движения.** Сегодня под ними понимают изучение культурных процессов и явлений на основании использования метода сравнительного анализа с целью выявления и идентификации подобного (общего, инвариантного) и специфического (различного) в культуре.

Сравнительный метод применяется как в синхронном, так и в диахронном плане. **В синхронных** исследованиях изучается состояние общества на определенный заданный момент. Основной целью здесь ставится возможно более точное описание условий существования данного общества и культуры.

Но синхронный сравнительный анализ проблемы, т. е. сравнение культур и общества на определенном отрезке исторического развития, как отмечают структуралисты, сам по себе еще недостаточен. Сравнительное изучение общества без истории его развития — это метод, дающий возможность сформулировать с достаточной степенью точности проблемы, которые необходимо решать в диахронных исследованиях.

В диахронных исследованиях сравнительный метод заключается в сравнении процессов изменений. В этом случае изучаются способы и пути изменения общества и культуры и выявляются общие законы таких процессов изменений. Здесь сравнительный метод используется для изучения явлений в их динамике, сравнение дается уже не в пространстве, а во времени.

Частным случаем сравнительно-исторического подхода является т. н. **бинарный анализ.** Он ограничен рамками сравнения двух стран, отобранных в соответствии с предметом исследования. Он позволяет провести более подробное сопоставление исследуемых объектов, что почти невозможно, когда анализ охватывает слишком большое число случаев. Сравнение двух стран, естественно, повышает интерес к каждой из них; и, что особенно важно, подчеркиваются их главные характеристики и самобытность. В таких случаях обе исследуемые страны могут рассматриваться как различные иллюстрации широкого, всеобъемлющего теоретического осмысления. Уже само сопоставление исследований, проведенных на одну и ту же тему в двух различных контекстах, дает исследователю нечто такое, что открывает перед ним новые

горизонты, является стимулом к переосмыслению интересующих его вопросов в более общих, научно обоснованных понятиях²¹.

Подбор стран для бинарного анализа требует специальных исследований. Ведь сравнение одних пар стран представляет интерес, тогда как других — дает лишь малозначащие результаты. Скажем, сравнение может быть сосредоточено на таком предмете исследования, который больше соответствует специфике одной страны, нежели другой, или же может быть выражено в такой форме, что его трудно применить к обоим случаям. Так, например, сравнение Англии и Японии как двух островных государств или двух морских держав может иметь смысл, тогда как, например, попытка сравнить Швейцарию и Чад как две страны, не имеющие прямого выхода к морю, смысла не имеет.

При сравнительном исследовании крайне важно соблюдать т. н. **принцип объективности**²²: исследователь не должен оценивать «чужую» культуру исключительно с позиций «своей» культуры.

В решении этой задачи существует принципиальная психологическая трудность — необходимость и сложность для исследователя адекватно воспринять иную точку зрения, образ мира, радикально отличный от собственного видения, без чего вряд ли возможно результативное исследование субкультур.

В качестве примера, иллюстрирующего это положение, можно сказать о сравнении китайского и западноевропейского гуманизма. Если при этом стоять на позициях западной культуры и оценивать китайский гуманизм, исходя из западноевропейских культурных ценностей, то исследователь легко может прийти к заключению, что у древних китайцев не было личной свободы и самосознания личности, что в китайском гуманизме отсутствует понятие о правах человека и т. п. С другой стороны, если исходить из категорий традиционной китайской культуры и использовать ее в качестве критерия оценки западного гуманизма, можно сделать вывод, что западный гуманизм был лишен толерантности, уступчивости, что в нем заложен выраженный индивидуализм, что носители западной культуры не формируют в себе качеств совершенной личности и не обладают высокой степенью общественного самосознания.

Из данного примера становится очевидным, что для оценки той или иной культуры наиболее существенным является лишь один критерий — объективности: оценка любого явления культуры должна быть соотнесена с той эпохой в развитии человеческого общества, к которой оно принадлежит.

Каждый исследователь, в том числе и исследователь-компаративист, является представителем определенной культуры, и именно это обстоятельство может ограничить его способность понимания явлений. Существование таких «шор» признать нелегко.

При проведении сравнения вполне естественной является опасность попасть в ловушку **этноцентризма**, но в то же время сравнение является и лучшим средством против этой опасности. Восприятие существующих различий неизбежно приводит исследователей к осознанию относительности знания и, следовательно, помогает им освободиться от культурных предубеждений. Действительно, само понятие этноцентризма просто не может существовать вне практики сравнения. Только в сравнении с другими культурами можно осознать возможную опасность культурной изоляции.

Как давно отмечалось, различия между Францией и Англией, представляющиеся огромными для европейца, в то же время кажутся совсем незначительными для жителя

Пекина или Калькутты. Восприятие различий зависит от фактической близости наблюдателя к объекту — это неоспоримый факт, который может создать целый ряд проблем. Когда исследователям удастся установить тесную взаимосвязь с изучаемой культурой, единственным показателем, который часто ими оценивается реально, является ее специфичность.

Несколько слов об однопредметном и разнопредметном сравнении. Под однопредметным сравнением имеется в виду сравнение одной и той же области науки — например, российской и западной философии. Что касается разнопредметного сравнения, то оно подразумевает сравнение наиболее характерных для определенного периода духовных ценностей — например, средневекового богословия на Западе с каноническими книгами православной церкви: оно дает возможность понять, каковы наиболее существенные особенности феодальных культур Западной Европы и России.

Осуществление сравнительного анализа предполагает и решение ряда других методологических вопросов, связанных с унификацией понятийного аппарата, применяемого для характеристики сопоставляемых явлений, построением типологий, операционализацией понятий. Другое необходимое их условие — признание самой возможности сопоставления тех или иных культурных показателей. И здесь возникает вопрос **о принципах сравнения. Сравнительный анализ подразумевает предварительное приведение материала к сравнимым единицам.**

Таким образом, сравнительно-исторический подход предполагает выявление и разработку некоторых общих исходных принципов, основных признаков сравнения отдельных обществ.

1.2. Цели и задачи исследования

Особенности российского менталитета в сравнении с менталитетом западным с давних времен волновали умы ученых как в России, так и на Западе. Да и в наше время к подзатянувшемуся спору о самом понятии «национального менталитета», «этнического характера» и «картины мира» добавились еще более острые вопросы: о влиянии ключевых особенностей традиционной российской ментальности на судьбы социально-политических и экономических преобразований в России, на отечественную культурную политику.

Но, несмотря на такой непреходящий интерес, это направление недостаточно успешно развивается в отечественной науке. Препятствием является слабость традиции сравнительно-исторического подхода к изучению отечественной истории. Явное преобладание социально-экономического подхода обусловило известный разрыв истории общества, экономики, государства, с одной стороны, и истории ментальностей — с другой. Изучение процессов формирования картин мира, которые составляют само содержание исторического процесса, развито пока недостаточно. Слабо используется теоретический инструментарий, разработанный учеными в области истории ментальностей и сравнительно-исторического подхода.

В свете роковых событий XX в., уроков двух мировых войн чрезвычайно важным представляется изучение представлений друг о друге русского и немецкого народов. Такую задачу поставила перед собой группа ученых из ФРГ под руководством

Л.З. Копелева. Ими выпущено несколько томов, посвященных представлениям немцев о русских, а также русских о немцах в IX–XX вв. В русской и советской исторической литературе этот вопрос специально не ставился, хотя проблемы русско-германских отношений, русско-германских научных и культурных связей, разумеется, не раз были предметом исследования²³.

До сих пор отечественная литература по этой тематике представлена в основном общими и чаще всего субъективными рассуждениями, а переводная литература содержит главным образом изложение отдельных эстетических, этнографических или этнопсихологических теорий с позиций тех или иных научных школ и направлений. К тому же до настоящего времени в науке не выработано целостного системного представления о соотношении художественного и субкультурного сознания в различных этнических средах. А такие фундаментальные проблемы, как изучение менталитетов различных субкультур, роль разных видов искусства в формировании этих менталитетов, оценка социокультурной значимости искусства в России и Западной Европе — рассматриваются, по существу, вне их взаимосвязи. В отсутствие системной концепции мировая литература на эту тему не содержит развернутых исследований, посвященных комплексному изучению этой проблематики.

Поэтому так важно попытаться повернуть лицом к лицу современную сравнительную социологию и проблемы истории России, способствовать процессу их взаимодействия. Такова, в частности, цель данной монографии. Ее авторы в течение ряда лет отработывали применение теории социокультурной стратификации к анализу взаимосвязи и взаимодействия особенностей менталитета и художественной культуры, реализуя данный подход в конкретных исследованиях междисциплинарного характера. Таким образом, построение теоретической модели, позволяющей с единых позиций сравнить субкультурные и художественные системы России и Западной Европы за несколько минувших веков и исследовать множественные следствия их сходства и различий в современном обществе осуществлялось на базе выработанных авторами методологических принципов, общей теории социокультурной стратификации и художественной жизни.

Это позволило надеяться, что углубленная обработка и анализ наработанного материала позволит системно осмыслить и сравнить особенности менталитета и художественных предпочтений в России и Западной Европе.

Авторы попытались показать, что культура, а следовательно, и картина мира любого большого общества, и уж подавно — таких больших регионов, как Западная Европа и Россия — не сводится к картине мира какого-то одного социального слоя или какого-то одного народа, пусть даже того слоя (или народа), который в этом регионе занял, в силу определенных причин, доминирующее (лидирующее) положение (элитарная субкультура в данной культуре). Напротив, мы исходили из того, что история ментальности, особенно взятая на большом отрезке времени, — это история двух взаимосвязанных, параллельно идущих процессов. С одной стороны, это дифференциация ментальности «по вертикали», т. е. по социальным (и профессиональным) слоям в процессе социальной дифференциации несущего эту культуру общества. С другой стороны, это интеграция «по горизонтали» в процессе смешения и объединения этнических (национальных, территориальных) культур в ходе миграционных и завоевательных процессов, приводящих к сложению крупных государственных систем. В итоге ни одна из отдельных картин мира — социального слоя или этноса — не характеризует

культуру большого общества или большого региона в целом, особенно на большом хронологическом отрезке. И эволюция культуры такого общества или региона не может быть описана адекватно через эволюцию картины мира только одного слоя или этноса, хотя понятно, что она в какой-то степени отражает тенденции эволюции ядра общей культуры этого региона.

Авторы попытались показать, как и Западная Европа, и Россия в культурном отношении с древнейших времен интегрируются внутри себя «по горизонтали» до такой степени, что имеет смысл говорить о «европейской культуре» и «российской культуре» в целом — с одной стороны. С другой же, они стремились продемонстрировать, как эта самая европейская культура в ходе истории дифференцируется по вертикали по мере становления сложных социальных систем. Такой замысел породил вполне конкретную задачу: **выяснить различия в картинах мира (ментальности) и художественных вкусах основных субкультур, входивших в социокультурную структуру как России, так и Западной Европы. Это и явилось главным направлением исследовательской работы в рамках обозначенной проблемы.**

В качестве таких сравниваемых субкультур выступают следующие:

- духовенство;
- правящий класс (аристократия, в т.ч. высшая, дворянство, офицерство, чиновничество);
- интеллигенция (в широком смысле: художественная, научная, чиновная, учащаяся);
- купечество и промышленные предприниматели;
- горожане (городское управление, мещанство, пролетариат);
- крестьянство;
- «лишние люди» социума: социально-организованные разбойные сообщества (пираты, казаки, наемники и пр.), криминалитет (в широком смысле слова: нищие, воры, мошенники и т.п.).

В книге сравниваются определенные стороны картины мира, присущие соответствующим субкультурам России и Западной Европы. Это:

- образ социального целого и его субкультур, групп, классов и сословий;
- образ природы и способов воздействия на нее — от технических и трудовых до магических;
- представление о месте человека в структуре мироздания;
- представление о взаимоотношениях мира земного и мира трансцендентного, связи между ними и роли потусторонних сил в жизни индивидов и коллективов — тема в высшей степени существенная при рассмотрении религиозного мирозерцания, преобладавшего на протяжении большей части человеческой истории;
- представление о пространстве и времени, которое вплоть до сравнительно недавней эпохи воспринималось не как абстракция, а в качестве могущественных сил, этически окрашенных и воздействующих на человека;
- представление об истории и ее направленности (прогресс или регресс, повторение или развитие), притом не только осмысление истории профессионалами (хронистами, теологами, схоластами), но и непосредственное ее переживание обыденным сознанием;
- формы религиозности, присущие «верхам» и «низам», образованным и неграмотным и др.

Часть I. Вводная

В книге показано также, что в ментальности разных субкультур России и Западной Европы в разные исторические периоды доминируют разные архетипы — маг, герой, царь, трикстер, мудрец, культуртрегер, творец, мессия и т. п. Обнаружение подобных различий в картинах мира дает нам ключ к пониманию многих современных процессов, происходящих ныне в России и Западной Европе.

Второй конкретной задачей стало сравнительное историко-социальное изучение повседневной и художественной жизни перечисленных субкультур России и Западной Европы.

При этом изучалась также и специфика взаимоотношений государства и национальной художественной культуры в России и Западной Европе, выливавшихся, в конечном счете, в своеобразную культурную политику.

Помимо того, авторы стремились показать, что, кроме господствующих направлений в искусстве, лежащих в поле общественной критики, каковое во все времена, начиная, вероятно, с развитой античности, принадлежало к верхним слоям общества, всегда существовало и глубинное народное искусство, которое никем именно как отдельная область искусства не изучалось. И это — огромное «белое пятно» в науке о европейской культуре. Только в последние десятилетия за эту проблему взялись этнологи со своим исследовательским подходом. Между тем, Восточная Европа и собственно Россия в этом отношении находятся в лучшем положении. Народная культура, благодаря консервативности здешней социальной среды, никогда не только не умирала, но и не выпадала из внимания культурной общественности. Особый же к ней интерес возник в конце XIX века, когда художественная интеллигенция проявила острый интерес к культуре Русского Севера и обнаружила там старорусские культурные и художественные традиции, причем в виде нормально функционирующего комплекса.

Конечная цель такого анализа — распространение объяснительного поля теории субкультурной стратификации²⁴ на новый объект — социальное функционирование художественной культуры в различных национально-культурных средах.

Таким образом, представленная в настоящей работе сравнительная история ментальностей субкультур России и Западной Европы и их художественной жизни не следует в фарватере устаревших концепций, а базируется на современных социальных теориях и методах исторической науки. Современный же этап в развитии исторического знания явно связан с интегративными процессами. Многие из того, что ранее выпадало из поля зрения официальных историков и становилось предметом изучения многочисленных частных наук, сегодня настоятельно требует интегративного подхода. Однако все попытки использовать такой подход неизбежно приводят к объединению и традиционной истории, и многих других смежных дисциплин в некий единый культурологический предмет, отражающий интегративные процессы. Это обстоятельство требует поиска путей синтеза этих областей знания.

И современная наука уже нащупывает пути подобного синтеза, формируя интегрированные направления исследований. Важнейшим из таких направлений следует, видимо, считать **теорию субкультурной стратификации²⁵**, синтезировавшую достижения нескольких гуманитарных наук, в рамках которой стало возможным историческое исследование картины мира субкультур и их взаимоотношений с искусством.

Глава II. ИСХОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ФОРМИРОВАНИЯ СРАВНИВАЕМЫХ КУЛЬТУР К НАЧАЛУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Историю сложения культур Западной Европы и России того периода, который рассматривается в нашем исследовании, имеет смысл предварить краткой исторической ретроспекцией, опускающейся ко времени Великого переселения народов — к V в. н.э. Ибо в это время с востока по зоне степей на европейский континент накатывается волна кочевников — гуннов и присоединившихся к ним других полукочевых и кочевых племен тюркского и финно-угорского происхождения. Перейдя Волгу, они втягивают в свой поток и другие племена, принадлежавшие к индоевропейской языковой семье — аланов и готов. А последние к этому времени уже образовали в степной и лесостепной полосе Восточной Европы более или менее стабильное социальное объединение — Готскую державу, хотя истинное социальное устройство ее в настоящее время неизвестно.

С этого момента и начинается для Европы Великое переселение народов — то самое, которое привело к падению Западной Римской империи, наводнило Европу большим количеством людей новых для нее этносов и послужило точкой отсчета начала средних веков. Но уже к этому времени ситуация в Восточной и Западной Европе (где под Западной Европой мы здесь и далее будем подразумевать совокупную территорию Южной, Центральной, Северной и собственно Западной Европы, за исключением Балкан), обусловленная ее предыдущей историей, была абсолютно разной в социокультурном отношении. И именно эта исходная ситуация коренным образом — т. е. на последующие полторы тысячи лет — определила разницу в становлении и развитии культур восточной и западной части европейского континента.

2.1. Восточная Европа

2.1.1. Географическая ситуация

Огромная по площади территория, включающая несколько ландшафтных и климатических зон: степную, лесостепную, лесную (т. е. зону лиственных лесов), таежную, лесотундровую. Лесная и таежная вместе доминируют по площади, но в лесной по климатическим и почвенным условиям легче вести земледелие, и фактически оно уже велось примерно за тысячу лет до н. э., постепенно продвигаясь подсеčno-огневым методом на север и превращая южный лес в лесостепь. Имеется очень разветвленная речная сеть, существенная даже в зоне сухих степей. В лесной зоне имеются огромные заболоченные территории — например, почти весь огромный по площади бассейн Припяти, большие площади в бассейнах рек Восточноприбалтийского региона и очень многие участки в бассейнах Верхневолжья и отчасти Поочья, а также огромные лесотундровые территории на самом севере континента. Все это создает трудности для укоренения здесь производящего хозяйства, особенно земледелия, которое в лесостепной зоне ведется уже с эпохи бронзы, но в лесу нигде не становится главной формой хозяйства вплоть до рубежа эр.

Отдельно — Крым и Северный Кавказ. Они лежат южнее зоны степей. Сухая степь занимает весь северный Крым и отчасти Предкавказье и доходит до предгорий и Крымских, и Кавказских гор. И те, и другие горы покрыты лесами до средних высотных отметок, но в Предкавказье имеются полноводные реки с широкими долинами, позволяющими пасти скот и заниматься земледелием, а в Крыму такие условия имеются главным образом южнее горного хребта и на черноморском побережье.

2.1.2. Социокультурная, этническая ситуация

Подавляющая часть лесной, целиком — таежная и лесотундровая зоны с глубочайшей древности заняты народами, находящимися на уровне родоплеменного строя и ведущими охотничье-рыболовно-собираческое хозяйство. В северо-восточной части Восточной Европы, от Восточной Прибалтики и далеко за Урал — это народы уральской языковой семьи: финно-угорские и самодийские. Южнее Восточной Прибалтики и западнее народов финно-угорской семьи — балтийские народы. Последние — одна из ветвей индоевропейской языковой семьи, рано отделившаяся от основного ствола (вероятно, еще в ранней бронзе, когда большая часть семьи обитала в зоне евразийских степей¹), но осевшая в зоне, где вести производящее хозяйство как основу экономики было чрезвычайно сложно, и потому также перешедшая в основном (но не целиком) на присваивающие формы хозяйства².

Южная лесная и лесостепная зоны, особенно в западной части Восточной Европы — регион распространения, начиная с неолита, устойчивых форм производящего хозяйства. Древнейшие из племен, жившие здесь оседло еще с раннего неолита до эпохи бронзы и оставившие огромное число поселений, вплоть до огромных (по несколько сот домов) — это носители археологической культуры Кукутень-Триполье, занимавшие территорию от Южных Карпат до Днепра, включая бассейны Южного Буга и Днестра. Несмотря на сравнительно высокую плотность населения, огромную территорию, развитое производящее хозяйство, включавшее развитое ремесло (особенно керамическое) и долговременность существования, эта культура, по крайней мере археологически, *не дает признаков формирования на их основе сложной иерархической социальной структуры (!)*. Не прослеживаются признаки ни планиграфической, ни жилищной дифференциации (структуризации) внутри даже крупных поселений, ни функциональной дифференциации самих поселений, ни дифференциации погребений. К началу эпохи бронзы эта культура как целостность исчезает, по-видимому, подорвав экологические основы своего хозяйства сплошной вырубкой лесов и распашкой (т. е. превратив южный лес и лесостепь в чистую степь), но производящие формы хозяйства в этом регионе остаются навсегда³.

Степная зона Европы органически входит в полосу евразийских степей — от Дуная до Саян. Это — естественный коридор для перемещений в широтном направлении всех подвижных скотоводов с эпохи неолита. Здесь, скорее всего, формируется индоевропейская семья народов (хотя есть и другие точки зрения⁴). Конкретно, в Восточной Европе известен целый ряд культур подвижных скотоводов с неолита до поздней бронзы, постепенно перемещающихся на запад за Дунай и на юг через Среднюю Азию в Индостан. Часть их переходит Дунай еще в неолите и по его бассейну растекается

Глава II. Исходный исторический фон формирования сравниваемых культур...

по всей Центральной Европе, дав начало так называемой курганной археологической культуре. В Восточной Европе степные скотоводы в этот же период расселяются на север в лесостепь и доходят до южного леса, также давая разные варианты многочисленных курганных культур. И — что самое важное для нашего исследования — это уже давно, с эпохи ранней бронзы, *социально дифференцированные* этносы, что четко отслеживается археологически по величине курганов и оформлению подкурганных погребений⁵.

Важным для нашей темы является также следующее. В Восточной Европе только самая западная часть ее территории была занята народами, издревле ведущими оседлый образ жизни и комплексное производящее хозяйство (Кукутень-Триполье). Похоже, что подвижные скотоводы отчасти способствовали развалу этих культур как целостностей, но ничего не добавили ни их потомкам, ни самим себе в сложности организации социумов более позднего времени. Скорее наоборот: социальное устройство здесь опростилося, и до первых веков н.э. крупных социальных образований здесь не появляется: видимо, в этом не было необходимости. В восточной же части Восточной Европы проникновение скотоводов на север вверх по речным долинам в лесную зону, где велось присваивающее хозяйство, осложнило ситуацию. Здесь с поздней бронзы появляются культурные признаки структур, *которых раньше не было*. Формируется какая-то верхушка общества, которая хоронит своих умерших в курганах, а к эпохе раннего железа начинают появляться укрепленные поселения на мысах рек. Т. е. имеются явные признаки того, что целый ряд местных сообществ имеет уже структуры развитого вождества с явно выделяющейся военной верхушкой. По-видимому, структуры такого типа местному населению *навязываются* пришельцами — степными скотоводами, которые и становятся этой самой военной верхушкой. В античном мире и на Ближнем Востоке эти степные кочевники уже известны под именем киммерийцев, скифов, а позже — савроматов, сарматов, аланов. Известны также названия (в греческой интерпретации) более северных племен, населяющих лесостепь и лес и так или иначе контактирующих со степняками. В археологии в этом регионе также известен целый круг культур «скифоидного» типа, и археология же показывает, что уже значительно иерархизированные социальные структуры существуют здесь с конца бронзы и на протяжении всего раннего железа. Появляются также устойчивые признаки земледелия и скотоводства, но они не играют доминирующей роли в экономике — в отличие от более южных степных районов⁶.

2.2. Западная Европа

2.2.1. Географическая ситуация

Общая площадь территории существенно — в несколько раз — меньше площади Восточной Европы, даже с учетом Фенноскандии, которую традиционно под названием «Северная Европа» включают в нее (кроме самой восточной ее части — Карелии и Кольского полуострова). В целом вся территория Западной Европы лежит южнее большей части Восточной Европы, омывается со всех сторон Атлантическим океаном и его морями и потому имеет более мягкий (морской) климат с существенно меньшим

перепадом годовых температур. К тому же к северным ее берегам подходит теплое атлантическое течение — Гольфстрим, что также смягчает западноевропейский климат, даже в Скандинавии.

В Западной Европе нет такого четкого широтно-поясного деления на ландшафтные зоны, как в Восточной. Степной ландшафт в чистом виде, в исходном (докультуренном) состоянии имелся только в низовьях Дуная, поднимаясь по его долине примерно до среднего течения. Зато имеется много горных систем, которые, собственно, и препятствуют распространению по ее территории широтных ландшафтных поясов, характерных для равнинной, в основном, Восточной Европы. Это создает в каждой из западноевропейских горных систем высотные ландшафтные пояса, что издревле способствовало приурочению типов производящего хозяйства к этим сравнительно небольшим по площади (относительно востока континента) районам соответствующих типов хозяйства и, тем самым, складыванию сравнительно небольших отдельных социально-этнических общностей. Но вся равнинная часть Западной Европы, включая Великобританию и Ирландию, кроме крупных речных долин — это изначально зона широколиственных лесов, сменяемая хвойными в основном по склонам горных систем и на севере центральной части континента. В этом последнем регионе, включая отдельные районы Британских островов, Фенноскандии и Ютландского полуострова, имеются сильно заболоченные участки, но общая их площадь существенно меньше, чем в восточной части Европы.

Однако вся южная часть Западной Европы — зона распространения производящего хозяйства еще с глубокой древности, поэтому к эпохе раннего железа первобытный ландшафт практически сохранился лишь в Центральной и особенно в Северной Европе, да и тут был нарушен человеческой деятельностью. Следует отметить, что основы производящего хозяйства были занесены на территорию Западной Европы чрезвычайно рано, еще в раннем неолите. И скотоводство, и земледелие пришли сюда еще до сложения древнейших цивилизаций в Восточном Средиземноморье, и не только через Малую Азию, но и через Пиренейский полуостров из Северной Африки, и прижились практически на всей западноевропейской территории (кроме побережья северных морей и Скандинавии) здесь навсегда. Но до контакта с восточносредиземноморскими цивилизациями производящее хозяйство нигде не вытеснило присваивающие формы хозяйства и до эпохи бронзы не способствовало организации сложноструктурированных социумов.

2.2.2. Социокультурная, этническая ситуация

В эпоху ранней бронзы здесь все меняется. На Балканах, в том числе и северных, еще в энеолите формируется мощный цивилизационный очаг, отчасти спровоцированный культурным влиянием из Малой Азии, но возможно — и прямыми переселениями оттуда. Возникает целый ряд бесписьменных, но высокоразвитых культур, часть из которых, мигрируя с севера Балкан на восток, порождает упомянутую культуру Кукутень-Триполье⁷. В бронзе же на юге Балканского полуострова и на островах Эгейского моря складывается крито-микенская культура, на позднем этапе которой ее выходцы колонизируют (наряду с финикийцами) средиземноморское побережье вплоть до Геркулесовых столпов⁸.

Глава II. Исходный исторический фон формирования сравниваемых культур...

Пришедшие в эту же эпоху в Западную Европу упомянутые скотоводы-индоевропейцы (курганная археологическая культура) попадают в другую ситуацию, нежели в Восточной Европе. Весь юг — Балканы, Апеннинский и юг Пиренейского полуострова давно уже заняты народами с развитыми культурами, основанными на тысячелетнем производящем хозяйстве. Естественно, что особенно это касается Балкан, непосредственно и географически, и культурно соприкасавшихся с древнейшими цивилизациями Восточного Средиземноморья. Кроме того, на Балканы раньше выходцев из степей попадает из Малой Азии какая-то ветвь индоевропейцев, собственно, и породивших на древнем культурном базисе крито-микенскую культуру. Другими словами, весь юг Западной Европы, особенно Балканы и острова Восточного Средиземноморья — это уже ранние цивилизации⁹. И растекающиеся из Центральной Европы во все стороны пришельцы-скотоводы ничего не изменили в Южной Европе в смысле сложности организации социумов. Возможно, они захватили верхние уровни социальных иерархий, создав «новую» аристократию, отчасти навязали свой язык и некоторые черты материальной культуры (откуда мы, собственно, и знаем об их появлении и распространении в дописьменный период), но в целом они *вписались в структуру уже существующих цивилизаций*, сделавшись их культурными потомками, но придавши им впоследствии — что очень важно! — определенную «боевитость», агрессивность, что можно считать одной из «родовых» черт подвижно-скотоводческих народов вообще.

В северной же части Западной Европы пришельцы-индоевропейцы легли в основу формирования кельтских, германских и отчасти раннеславянских народов. Из этих перечисленных ранее всего, с рубежа эпохи бронзы — раннего железа, проявили себя в истории кельтские народы. Уже гальштатская археологическая культура начала раннего железа (ранние кельты) «расползлась» по всей Центральной Европе, а ее потомок — латенская культура (собственно исторические кельты) заняла территорию от Галисии на Пиренейском полуострове до Галиции в будущей Польше и от Британских островов через Северные Балканы до Малой Азии, причем ее носители везде основывали свои государства и предгосударственные образования (например, Галатия в Малой Азии). Правда, это были образования структурно довольно простые, а на севере Европы даже к рубежу эр ненамного сложнее тех, которые характерны для последних этапов вождества, но уже имеющие четкую дифференциацию населения по трем важнейшим функциям: духовной, военной и производящей. Кроме того, кельты владели весьма развитыми технологиями комплексного сельского хозяйства и высочайшими технологиями обработки металлов¹⁰.

Более того — что важно для нашей темы — отдельные кельтские племена приходят на территорию Восточной Европы севернее Карпат и распространяются по ней в юго-восточном направлении, в том числе и по бассейну Днестра до зоны степей. Но здесь они не создают, по-видимому, сложных социальных структур, во всяком случае, сложнее тех, которые присущи этносам, населяющим эту огромную территорию¹¹.

Глава III. ОБЩАЯ ИСХОДНАЯ КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ К X ВЕКУ. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Итак, в эпоху раннего железа, которая, согласно принятой в истории хронологической традиции, заканчивается Великим переселением народов и падением Западной Римской империи, после чего начинается эпоха раннего средневековья, ситуация на сравниваемых нами территориях была следующей.

3.1. Восточная Европа

Вторгшиеся с востока по степям и растекшиеся по лесостепи гунны и втянутые в их движение на запад тюрки-кочевники и кочевые угры (протовенгры) застают в самой степи и на ее окраинах многочисленные аланские (североиранские) племена, частично осевшие на землю и не имевшие единой боевой организации, охватывающей скольконибудь значительную их массу. Поэтому никакого по-настоящему организованного сопротивления гунны не встречают. В результате аланов по частям разбивают и уничтожают, но какая-то довольно значительная их часть становится как бы авангардом гуннского нашествия и двигается по степи на запад, круша, как и сами гунны, все на своем пути. В Поднепровье, Нижнем и Среднем, вся эта конная масса сталкивается с готами, каковые, как сейчас принято считать, представляли собой основную часть воинского слоя огромной по территории Готской державы, с которой каким-то, не выясненным до сих пор образом, соседствует также племенное раннеславянское объединение под названием анты. (Впрочем, вопрос о формировании и распространении славянского этноса до VI в. н.э. является дискуссионным). Но и эти социоэтнические образования подвергаются беспощадному разгрому, а остатки их воинской прослойки, покорившиеся гуннам, также становятся авангардом гуннского нашествия на Европу¹.

Ввиду принципиальной важности для нашей темы следует осветить социокультурную ситуацию в этом регионе, подвергшемся гуннскому нашествию. Эту территорию византийские историки именовали Готской державой, невольно «завышая» истинный ранг организации социума, живущего на этой территории. Это объединение следовало бы называть «готский союз племен», поскольку уровень его организации был тот же, что и у «антского союза племен», с ним соседствующего. Вся эта территория, включающая восточную часть Польши, Белоруссию, Правобережную Украину и частично Молдавию, в описываемое время занята двумя родственными археологическими культурами: северо-западная часть — пшеворской, юго-восточная — черняховской. Обе они складываются из более ранних, очевидно, разнотничных мелких культур, в которых археологи усматривают какие-то племена и группы племен балтского, кельтского, славянского, фракийского, сарматского (аланского) и германского происхождения. На протяжении нескольких (двух-трех) веков вся эта разнотническая масса перемешивается, живя мозаично и, по-видимому, не вступая в какие-либо острые конфликты. Затем население перемешивается даже в пределах одних и тех же поселений и хоронит своих покойников в одних и тех же могильниках. Затем наблюдается смеше-

Глава III. Общая исходная культурная ситуация к X веку.

ние культурных признаков (керамики и прочих изделий, археологически атрибутируемых) в рамках отдельных жилищ. В общем, постепенно создается некий единый этнос, возможно — два близкородственных, один из которых связывается с пшеворской культурой (и это, возможно, антский племенной союз), второй — с черняховской (и это, скорее всего, готский союз племен).

Для нас особенно важно следующее. Обе эти культуры — «деревенские». Во всем этом огромном регионе вообще не строят укрепленных поселений, не говоря уже о городах. Единственный тип поселений, несколько отличающийся от других, — это поселения ремесленников, и они, судя по культурным признакам, населены в основном кельтами. Сами поселения — местами до сотни жилищ — крайне просты по пространственной организации и ассоциируются именно с большими деревнями. Нет ни какой-либо иерархии жилищ, ни дифференциации по богатству находок ни на поселениях, ни в могильных комплексах. Есть только сохранение определенных этнических признаков в конструкциях этих последних и в атрибутике сопроводительного вещевого материала. Так, хотя все это население практикует при захоронении покойников кремацию, можно выделить воинские погребения по наличию в них небольшого количества оружия, сделанного в германских традициях, что заставляет думать, что в социальной организации все-таки выделяется воинский слой, и этнически он в основном — германский².

Но даже эти этнические признаки к последнему этапу существования обеих культур — т. е. к моменту гуннского нашествия — постепенно стираются. Этому способствует стремительно растущий наплыв вещей *массового ремесленного* производства, именуемого «провинциально-римским». В основном это огромное количество профессионально и стандартизовано выполненной гончарной посуды, первоначально явно привозной с запада, производство которой затем постепенно налаживается в самом регионе. Она постепенно вытесняет местное производство ручной лепной керамики, чем и сглаживается этническое разнообразие материальной культуры населения³.

Как известно из письменных поздне-римских (и византийских) источников и подтверждено археологическими исследованиями, гунны разгромили наголову готов, и те из них, кто уцелел после ряда проигранных битв, бросился спасаться на запад, за Дунай. С ними, по-видимому, с этой территории ушел весь уцелевший воинский слой. Даже анты, давние враги готов, поддержавшие гуннов против этих последних, не уцелели сами, а те, кто уцелел, тоже ушел на запад. В итоге, как говорилось немного выше, вся огромная территория обеих культур была разгромлена, разграблена и выжжена дотла и брошена пришельцами, продолжавшими двигаться на запад в основном по степной полосе, переходя Дунай.

О судьбе оставшегося населения до определенного времени, — т. е. до времени сложения на этой же территории собственно славянских племен, проявивших себя «вовне» настолько заметно, что они попали на страницы византийских хроник, — мы знаем только из археологических источников. Жизнь здесь не исчезает окончательно, но население очень редет и культурно сильно деградирует. Остаются маленькие поселения примитивных земледельцев и придомных скотоводов, снова производящих примитивный бытовой и рабочий инвентарь и грубую лепную посуду, продолжающих жить в полуземлянках хотя и простейшей конструкции, но носящих *собственно славянские* конструктивные черты. Единственное их преимущество: они в целом занимают гигантскую — особенно по западноевропейским масштабам — территорию, т. е. почти всю

территорию предыдущих культур, ландшафтно — от лесной зоны до рубежей со степью. И их на протяжении последующих почти трех веков *никто не трогает!*

В результате на территории южной части пшеворской культуры и почти на всей территории черняховской культуры складывается пеньковская археологическая культура — собственно восточнославянская, а на остальной части пшеворской — несколько отличных от нее — собственно западнославянских. Все они — непосредственные предшественники *летописных славянских племен*, и время их существования эпохально — **начало раннего средневековья**⁴.

Само же **раннее средневековье** Восточной Европы — это история борьбы с извечно нападающими на славянские земли из степи кочевниками-тюрками (гуннами-кутригурами, болгарами, аварами и т. д.), прихода на эти земли варягов-русов, организация при их непосредственном участии русских княжеств, их борьба на востоке — с набравшим силу Хазарским каганатом, на юге — с печенегами, половцами и прочими, на юго-западе — периодические прорывы на Черное море и эпизодические налеты на Византию, а через Каспий — на Закавказье, на северо-западе — борьба с Польшей, с налетами шведских варягов на новгородские земли⁵. Но это последнее можно отнести к **раннему средневековью** только Руси! Для Европы же (хотя и не для всей Европы) это время — IX–XII вв. — уже **развитое (высокое) средневековье**. Почему — станет ясно из нашего исследования.

Наконец, к X веку, ко времени, с которого начинается наше сравнительное исследование культур России и Европы, главное социальное объединение в Восточной Европе — это, действительно, Киевская Русь, называемая так по имени главного города государства, в котором стоит великокняжеский престол дома Рюрика. На самом же деле — это целая совокупность организационно и хозяйственно практически самостоятельных княжеств, каждое из которых имеет свой главный город, причем некоторые из этих городов почти не уступают Киеву ни по размерам, ни по богатству. Среди них, в свою очередь, выделяется Новгород — вечный противовес Киеву и по претензиям на полноту власти и влияния на Русь, и по своей политико-экономической мощи.

Тем не менее, все столы княжеств держат Рюриковичи, и только они. Племенных восточнославянских территорий формально уже нет, как нет и князей — потомственных племенных вождей, хотя еще долгое время в летописях упоминаются бывшие племенные земли полян, древлян, северян, кривичей, радимичей и многих других. Но *организационно* это уже не имеет никакого значения и отражается только в местных культурных признаках сельского населения, каковое и есть самое массовое население Руси: в его говорах, фольклоре, одежде, производстве мелких бытовых вещей и украшений. Однако уже есть города как таковые, т. е. не просто защищенные поселения, а *структурные* центры княжеств как формально обособленных территорий, где концентрируется княжеская власть, воинский слой — княжеская дружина, ремесло, финансы, торговля и главные культовые места⁶.

Понятно, что за всем этим стоят не просто функционально обособленные группы населения, а достаточно четко выделенные *социальные слои*, собранные в иерархизированную социальную структуру. Причем верхние слои социальной иерархии носят интернациональный (в рамках многоплеменной Руси) характер. Так, князь — уже всегда Рюрикович. Княжеская дружина — воинский слой — это смесь удальцов всех племен и народов, населяющих чуть ли не всю Восточную Европу, от поздних алан (ясов — осетин) и степных тюрков (болгар, касогов — адыгов, торков — «наших поганых», и пр.) до финно-угров (чуди, веси, еми, мешеры, муромы и пр.) и, наконец, самих

Глава III. Общая исходная культурная ситуация к X веку.

славян и варягов, как совершенно обрусевших, так и наемных. И последних — славян и варягов — в дружинах (судя по соотношению в погребениях крупных дружинных могильников) большинство. Причем уже выделяется «старшая дружина» — бояре, воеводы, и «младшая» — основная боевая сила. Но и та, и другая — не прямые потомки бывших племенных вождей и племенной воинской аристократии (если таковая уже была в «доваряжский» период, что совсем не очевидно), хотя наверняка и они туда входят, но *на равных началах*, ни по каким уловимым признакам не выделяясь среди других. Единственная группа, которая археологически выделяется некоторое время по погребальному инвентарю, — варяжская часть дружины. Более того, в IX–X вв. у них еще сохраняются отдельные кладбища — группы курганных могильников. Но и это быстро исчезает, и в XI веке существуют лишь общие дружинные могильники⁷.

Наконец, важнейшее событие, произошедшее на Руси X века и в значительной степени определившее дальнейшее развитие ее культуры. Это, естественно, крещение Руси «от Византии», т. е. крещение в православие. Как показывает дальнейшая история, именно это обстоятельство сыграло роль одного из «культурных барьеров», отделивших на многие века Россию от европейского мира. Но в X веке это не было очевидным и, по-видимому, мало кого беспокоило даже в высшем слое социальной иерархии. Тогда важнее было другое. Русь как становящееся *целостное* государство получила общегосударственную религию — чего, собственно, и добивался князь Владимир Святославич, повторив важнейший политический шаг, сделанный когда-то императором Константином из тех же политических соображений. Нельзя сказать, что этот процесс — обретение новой единой веры — прошел на Руси безболезненнее, чем в Римской империи: и там, и там это сопровождалось массовыми «драмами духа» и кровавыми трагедиями. Но процесс крещения все-таки состоялся, и Русь всей последующей своей истории — это христианская православная страна⁸.

Для нашей темы не менее важным является еще одно следствие этого события. *Только* тогда и *только* таким образом Русь, наконец, приобщилась к древней европейской культуре, получив через крещение и первых европейски образованных духовных наставников-греков, и первые европейские книги духовного и исторического содержания. Но, как мы только что отметили, главным и ярко проявившимся впоследствии недостатком этого мероприятия было то, что уже в следующем столетии Константинополь окончательно и бесповоротно ссорится с Римом, и Византия, оставаясь еще достаточно мощной державой, оказывается как в политической, так и в культурной изоляции от остальной Западной Европы (где она уже рассматривается как Европа Восточная), а вместе с ней — и Русь, привязанная к греческому миру и организационно, и духовно (конфессионально). Но, тем не менее, Русь становится христианской страной, и какие-то продукты интеллектуальной и духовной культуры общехристианского мира начинают просачиваться в русскую культуру.

3.2. Западная Европа

Вторгшиеся с востока под давлением гуннского нашествия племена — «степные» германцы-готы, аланы, частично ранние славяне, прорвав заслоны на Дунае, захватывают придунайские земли. Начинается сложная история расселения пришельцев в

придунайских и балканских землях, сопровождаемая то военными столкновениями, то примирением с римскими властями, то новыми восстаниями, иногда огромных масштабов, в которых участвуют и нижние слои восточноримского государства. Тем не менее, Римская империя, в это время окончательно расколовшаяся на Восточную и Западную, как *целостная социальная структура* не разваливается, и передовые орды пришельцев с востока после многих перипетий так или иначе в эту структуру встраиваются, отчасти даже сохранив свое этническое лицо и племенную организацию, подчиненную, однако, центральной власти⁹.

Но несколько десятилетий спустя за ними вторгаются сами гунны со своими боевыми союзниками «поневоле». Они с боями прорывают все пограничные заслоны как Восточной, так и Западной Римской империи и растекаются, двигаясь по долине Дуная, по всей Центральной, а затем и Западной Европе, по-видимому, в значительной степени повторяя путь предыдущего Великого переселения народов — вторжения индоевропейцев в раннем бронзовом веке. Но большая часть запада европейского континента — это территория Западной Римской империи, пусть уже прошедшей к этому времени пик своего могущества, но еще вполне способной активно обороняться. Да и Восточная Римская империя также активно защищается. Поэтому ни на Балканский, ни на Апеннинский полуостров гунны и их союзники не прорываются. Более того, некоторые гуннские союзники «поневоле» — часть вестготов и аланов — прорвавшись на Пиренейский полуостров, захватывают значительную его часть и там остаются, образовав собственное государство. Другая часть таких союзников, в основном остготы, охотно переходит на сторону Рима, образуя свои воинские подразделения в римской армии¹⁰.

Но «бич Божий», Аттила, возглавляющий гуннское вторжение, имеет, тем не менее, достаточное количество союзников в лице аланов, германцев и славян и продолжает двигаться в Европу. Византия, потеряв способность активно обороняться, спасается только тем, что платит ему огромную дань, а Рим пытается вести переговоры, но не очень успешно, и Аттила, захватив территорию подвластной Риму Германии, пробивается в Галлию. В конечном счете, происходит грандиозная битва на Каталаунских полях (центральная Франция, 451 г. н. э.) между главными силами империи, *включающими новых союзников*, и войском захватчиков, возглавляемых Аттилой. Аттила терпит сокрушительное поражение (похоже, первое в своей жизни), и дальнейшее вторжение на римские территории временно прекращается. Но у Рима нет сил, чтобы изгнать захватчиков, и на какое-то время в Европе устанавливается паритет сил, и даже возобновляются переговоры между Римом и Аттилой, который признается Римом как властитель уже захваченных земель — а это гигантская территория от Волги до центральной Галлии.

Но на этом, однако, Аттила не успокаивается. На следующий год он прорывается на север Апеннин, но Рим откупается. А еще через год Аттила скорострительно умирает, и поскольку у него нет наследника, обладающего харизмой такой же мощи, как его собственная, вся его держава — союз разноязычных, разноэтнических племен, объединенных под гуннским доминированием отчасти силой, отчасти общностью интересов — начинает стремительно разваливаться¹¹.

Нам нет необходимости описывать все последующие события, происходившие в эту эпоху в Западной Европе. В сущности, это эпоха хаоса: непрерывные войны «всех против всех», когда властные амбиции племенных вождей пришельцев, потолкавшихся

Глава III. Общая исходная культурная ситуация к X веку.

в Риме и его провинциях и понявших, что такое *истинная* цивилизация с ее *истинной* властью и богатством, провоцируют их активно искать и того, и другого. В результате одни из них пытаются вписаться со своим войском в структуру империи, но на почетных условиях, дающих им возможность прихватить существенный «кусочек» этой власти и богатства. Другие же, считая себя достаточно сильными, пытаются с боями отобрать у империи и то, и другое, сохранив собственную независимость. И все это непрерывно меняется местами, одни союзы разваливаются, другие создаются, но ненадолго. Сам город Рим берется и разрушается вестготами. К тому же в это же время с севера Европы на имперскую территорию начинается еще одно вторжение, собственно германское. В итоге Западная Римская империя как *государство* разваливается, а на ее территории, как и во всей Западной Европе, складываются новые государства. Это — **начало раннего средневековья**¹².

Само западноевропейское **раннее средневековье** — это эпоха становления новых государств и консолидация новых наций. «Промежуточным» итогом этого процесса — если считать, что нас интересует X век как тот рубеж, с которого начинается наше сравнительное исследование — можно считать образование тех европейских государств, которые сосуществуют во времени параллельно с Русью — Россией и при всех модификациях собственной социальной структуры, официальных границ и названий доживают до новейшего времени. Еще раз напомним, что, по нашему мнению, в хронологии Западной Европы сам X в. — это уже **развитое (высокое) средневековье**, а не раннее.

К этому времени в европейских государствах уже прочно устанавливается королевская власть как форма правления с феодальной иерархией и складываются главные королевские династии, хотя часть из них и сменится в последующее время. Важно то, что королевские дома Европы тоже (как и во всех княжествах Руси) становятся фактически интернациональными благодаря междинастическим бракам. Эти браки заключаются зачастую вроде бы для закрепления дружественных межгосударственных отношений, но, как показывает реальная история, все это — чистая фикция: межгосударственные войны как велись, так и ведутся с не меньшим ожесточением вплоть до новейшего времени. Более того, если говорить о X веке, то до установления прочного абсолютизма в любой из европейских стран еще очень далеко, и потому количество войн межгосударственных даже меньше, чем количество войн чисто феодальных, т. е. идущих между королями и их могущественными вассалами и между сеньорами разного ранга: земли, города, ресурсы и трудовое население продолжают делить между собой¹³.

И в этом смысле Европа ничуть не лучше (в смысле — не рациональней) Руси этого же времени: Русь тоже управляется единой династией — домом Рюрика, но это не мешает его князьям, начиная уже с внуков Владимира Святославича, непрерывно воевать между собой вплоть до сложения и укрепления Московской Руси, что будет полтысячелетия спустя. Так что эпоха феодальной раздробленности с железной закономерностью несколько сот лет переживалась и Европой, и Россией.

Снова возвращаясь к Европе, отметим главные социокультурные черты, приобретенные ею к X веку. Это совокупность стран-королевств с устоявшейся стратифицированной феодальной (землевладельческой) иерархией, представляющей собой профессиональный воинский слой, почти полностью закрепощенной массой главных производителей — крестьян, и развитой городской культурой. Причем, что очень важно в контексте нашего исследования, многие из крупнейших европейских городов

существуют в этом качестве *еще со времен Римской империи*. Особенно это касается городов Южной Европы, т. е. Италии, Греции (где еще жива и здравствует Византия), Франции и Испании. Пережив эпоху запустения и разрухи, они все-таки ожили и заполнились почти совсем этнически новым населением, но *и от старого культурного населения остались какие-то потомки!*

Важно понять, какие именно «культурные потомки» сохранились и где они «пересидели» время крушения империи и воцарившийся после этого всеевропейский хаос. Представляется, что большая их часть «отсиделась» в христианских монастырях. Как известно, одной из главных составляющих культурного наследия, оставшихся от Римской империи новому населению Европы, является христианство (католицизм). И кельты, и германцы, успевшие до начала Великого переселения народов втянуться в орбиту римского владычества и приобщиться к культуре империи, успели приобщиться и к христианской религии. Не стоит уточнять, какие из варварских народов, заселивших позднее римские провинции, когда и как это сделали. Важен общий результат: германцы нескольких разных племенных союзов, аланы, славяне, венгры — т. е. все, кто расселился в бывших римских провинциях и даже их более северные соседи — к X веку уже христиане. Причем в основном — католики, и только та часть пришельцев — в основном славян и ранних тюрков (болгар, авар, печенегов), — которая осела в византийских провинциях, становится православной, что оказалось существенным в XI в., когда произошел окончательный раскол этих двух главных тогда ветвей христианства¹⁴. Христианство же подразумевает развитый институт монашества и монастырского владения, а это, в свою очередь, означает почти гарантированную неприкосновенность монашествующих людей и определенную автономность их существования от перипетий жизни остального, профанного мира. И мы не скажем ничего нового, но просто напомним, что именно монастыри становятся для средневекового европейского мира почти единственными хранителями латинской грамотности и хранилищами древних рукописей, уцелевших после разгрома империи¹⁵.

Возможно, однако, что были и другие очаги, сохранившие остатки римской имперской культуры. На эту мысль наводит то обстоятельство, что, по крайней мере, на территории Италии — бывшей имперской метрополии — в эпоху всеевропейской феодальной раздробленности с поразительной скоростью восстанавливаются города — аристократические республики, своим социальным устройством и высоким уровнем общей культуры очень напоминающие крупные провинциальные города времен империи. И это при том, что территория Италии в процессе разгрома империи была завоевана германцами — вестготами, остготами, затем лангобардами¹⁶. То же в значительной степени касается и городской культуры южной Франции, а немного позже — и городской культуры Священной Римской империи германской нации. Все это наводит на мысль, что варварское *завоевание* территории империи отнюдь не означает не только поголовного истребления ее населения (чего никогда почти и не бывало за время письменной истории человечества), но даже *полного уничтожения* всех гражданских институтов, а главное — тех живых людей, которые представляли имперскую гражданскую администрацию, т. е. некое среднее звено власти «на местах». И, разумеется, никто не старается вырезать поголовно сельское население и ремесленный слой. Конечно, значительная часть людей гибнет: разбой, насилие и грабеж во все времена сопровождали любые войны. А в данном случае гибнет еще и при спровоцированных

Глава III. Общая исходная культурная ситуация к X веку.

внешней агрессией восстаниях и массовых побегах огромного по численности слоя имперских рабов. Тем не менее, никто не старается *целенаправленно вырезать* все население завоеванных территорий, и уж особенно ту ее часть, которая не оказывает вооруженного сопротивления, т. е. *трудовое* население. А вместе с ним сохраняется и часть населения средних социальных слоев.

Конечно, гражданская администрация империи после ее развала — уже не власть. Но она и ее выжившие потомки остаются носителями имперской правовой культуры: они еще помнят, что такое *право*, что такое *юрисдикция* и *юриспруденция*. И когда начинается выкристаллизовываться «новый» порядок, эти знания, эта правовая культура оказывается востребованной!

Помимо городов, развившихся как сравнительно самостоятельные структурные образования государственного масштаба — и отчасти унаследовавших, несмотря на значительное этническое обновление населения, городскую позднеимперскую культуру под покровительством королей и крупнейших сеньоров (уровня герцогов, графов), к X веку Европа покрывается и сетью более мелких городков, выросших при замках сеньоров «средней руки». Какие-то из них позже тоже разрастаются в крупные города, какие-то остаются мелкими провинциальными городками. Но их число везде в Европе растет, а население структурируется и «по горизонтали», т. е. по родам занятий, и «по вертикали», т. е. по имущественному и правовому признакам. Появляются понятия «цех» и «гильдия», объединяющие носителей одних профессий и родов деловых занятий. Таким образом, к X веку уже формируется *бюргерство* — средний класс, обладающий неким, иногда немалым капиталом и определенными правами и реальными возможностями, предоставляемыми наличием денег. Все они, конечно, в менталитете правящего класса — дворянства — еще воспринимаются как «подлый люд», но сам этот правящий класс уже не может с ними не считаться, поскольку во многих отношениях начинает от него зависеть. В частности, уровень дворянского быта и культуры в значительнейшей степени зависит от уровня развития ремесел всех видов — от строительного до ювелирного и ткаческого, и от уровня торговли — от внутренней до международной и даже межконтинентальной. А все это — в руках среднего слоя, и потому последний уже в это время растет и крепнет во всех смыслах¹⁷.

Наконец, к X веку христианская католическая церковь в Западной Европе — это огромная устоявшаяся, веками копившая опыт и капитал организация с четкой иерархической структурой, возглавляемой римским папой, с институтами белого и черного духовенства, с монастырями, раскиданными по всей Европе и владеющими огромными и все возрастающими землями и людскими производительными ресурсами, обладающая реальной властью, которая по авторитету не уступает власти королевской, а потому зачастую вмешивается даже в светскую политику. Таким образом, в Европе X века церковь — это еще одна власть, действующая наряду с высшей светской властью и во многом определяющая эволюцию экономики и общей культуры стран Запада¹⁸.

Теперь, опираясь на все вышесказанное о состоянии Руси и Западной Европы к X веку и учитывая изложенную выше краткую предысторию формирования этих огромных социокультурных общностей, можно попытаться выявить черты как сходства, так и различия между ними по главным культурным характеристикам, которые наметились к этому, нами самими намеченному моменту их истории. И, говоря о чертах их сходства, имеет смысл тут же отмечать и черты различия, что сделает более наглядным сам процесс сопоставления.

Прежде всего, необходимо сказать, что, хотя мы и упоминали выше о закономерно переживаемой обеими сравниваемыми общностями эпохе феодальной раздробленности, конкретно к X веку они находились на разной стадии этой эпохи. Русь в это время только что пережила время *первичной консолидации* в качестве целостного государства под руководством первых Рюриковичей. Эта стадия формально завершилась под властью Владимира Святославича провозглашением Киева стольным ее городом (т. е. держащим великокняжеский стол), и закрепилась общим (насильственным, правда) принятием Русью христианства¹⁹. Ситуация единовластия Киева над Русью поддерживалась сыном Владимира Ярославом Мудрым, несомненным и вроде бы убежденным государственным деятелем. Заметим попутно, что и отец, и сын добились собственного единовластия братоубийством (что не помешало в дальнейшем церкви объявить Владимира святым, поскольку он крестил Русь)²⁰, но тут они не оригинальны: так действовали, добиваясь этой же цели, все крупнейшие ранние монархи Европы. Это важно для нашей темы, поскольку говорит о том, что менталитет всех этих «объединителей народов», положивших начало крупнейшим государствам, — один и тот же. Его доминирующие черты — безграничное властолюбие и абсолютная аморальность в способах удовлетворения собственных властных амбиций. Иначе говоря, это один и тот же *психотип*, никак не зависящий от этнической принадлежности человека и в некотором смысле вечный, поскольку встречается во все времена, и его носители различаются только масштабом личных притязаний и способностью их реализовывать.

Именно наличие носителей подобных психотипов в любом крупном социуме, как правило, имеет для жизни последнего важные последствия. Наиболее сильные, энергичные, умные и беспринципные из них становятся объединителями и захватчиками, создавая крупнейшие известные в истории социальные объединения имперского масштаба. Таковыми были и франкский Хлодвиг, и французский Карл Великий, и датский Канут Великий, и киевские Владимир Святой и Ярослав Мудрый, и целый ряд других, известных в истории властителей. И это их качество, естественно, сближает «ход истории» тех стран, в которых власть захватывают деятели такого типа и такого масштаба.

Возвращаясь же к объектам нашего исследования, нужно отметить, что вышеупомянутые «объединители Руси» совершают это в X–XI веках, а в Западной Европе фигура такого ранга появляется уже в VIII. Это, естественно, Карл Великий, сумевший создать первую в средневековой Европе империю огромных — практически всеевропейских — масштабов²¹. Но уже при его внуках она раскалывается на королевство Францию и будущую Германскую империю, в дальнейшем именуемую Священной Римской империей германской нации. А к X веку всю Европу уже разрывают непрерывные войны разного масштаба: и между королями и «римскими» императорами, и между королями и крупнейшими их вассалами, наследными владетелями герцогств и графств (фактически — отдельных государств), и между сеньорами ниже лежащего социального уровня. Другими словами, Европа, пройдя в VIII веке пик социально-этнической консолидации (которая началась на два века раньше и тоже дала яркие фигуры «национальных объединителей» типа франкского Хлодвига), к X веку погрязает в эпохе феодальной раздробленности. На Руси же эпоха феодальной раздробленности начинается только в XI веке с вокняжением детей Ярослава Мудрого, но протекает не менее интенсивно, чем в Западной Европе. Но есть не только временная разница в начале и последующем протекании этих процессов. Поясним, о чем идет речь.

Глава III. Общая исходная культурная ситуация к X веку.

Итак, еще раз отметим, что к X веку и Русь, и страны Запада — это уже *государства* в современном понимании этого слова. Они четко иерархизированы по своей социальной структуре, и эта структура уже не стихийна, а отрефлексирована в сознании самих людей и законодательно закреплена. И переход из одного социального слоя в другой (особенно снизу вверх) чрезвычайно затруднен, а для большинства людей практически невозможен. Это понятно: каждый из слоев — уже носитель собственной субкультуры, собственного менталитета, вырабатывающегося у каждого следующего поколения людей данного слоя с пеленок через воспитание в собственной социальной среде. Так что даже не какие-то законодательные препоны (хотя и они тоже) являются главным препятствием для перемещения людей «по вертикали» социальной иерархии, а собственное сознание принадлежности к определенному слою — «классовое сознание», в понятиях марксизма.

Но есть и определенная разница в организации этих структур в странах Запада и Руси.

Во-первых, хотя верхний слой иерархии на Руси в X в. тоже не «одноэтажен» и в нем четко видны три слоя: *князья* — государи отдельных территорий во главе со старшим на данный момент Рюриковичем, держащим великокняжеский стол в Киеве; *старшая дружина* — *бояре*, советники князей и воеводы; *младшая дружина* — собственно воинский слой (профессиональная армия), все-таки он по сравнению с таковым большинства западноевропейских королевств еще сравнительно прост. В домосковской (Киевской) Руси вообще нет системы многоуровневого вассалитета, характерного для феодальной Европы, где королевские вассалы сами, в свою очередь, имеют в своем подчинении вассалов, а те — своих вассалов, каковыми могут быть «простые» рыцари, но и они — законные (пусть и бедные) землевладельцы, содержащие свои дружины (пусть и небольшие), которые подчиняются *только им самим*²². Русский боярин, хоть он и богатый землевладелец, *не имеет права* держать собственную дружину, и если по требованию князя он и приводит на войну отряд вооруженных людей, они — все равно *княжеское воинство*, т. е. входят в ополчение всего княжества, собираемое по случаю «большой» войны²³.

Это очень важно учитывать, говоря об эпохе феодальной раздробленности в Западной Европе и на Руси. Как упоминалось выше, в Европе борьба между феодальными сеньорами всех уровней идет за власть и земли, дающие богатство, но редко когда за *уровень* власти в иерархии выше своего собственного. Король может, опираясь на документально зафиксированные династические связи, претендовать на престол другого королевства, но, скажем, герцог этого делать, как правило, не будет. Он будет добиваться независимости от королевской власти *своего* герцогства, попытается расширить его территорию за счет захвата земли чужого вассала, объявив его своим вассалом, или претендовать на власть в другом герцогстве или графстве, опираясь на династические связи, но все-таки *своего* уровня. Конечно, известны и исключения. Герцог Нормандский Вильгельм, будучи формально вассалом французской короны, самостоятельно завоевал Англию и, отняв трон у англо-саксонской династии, провозгласил *королем* Англии себя — т. е. поднял себя на более высокий уровень власти²⁴.

На Руси — все не так. Междоусобные войны ведут *только* князья, и все они Рюриковичи. Но они, естественно, плодятся, их родовое древо непрерывно ветвится, и всех их надо «посадить на столы», дав в управление какой-то удел, ибо понятие «майорат» (передача наследства, в том числе и власти, только старшему сыну) здесь отсутствует. Отсюда — непрерывные споры между князьями-братьями, чьи из их детей старше в

общединастической иерархии, и кому из них, соответственно, должен достаться более престижный удел. Все это быстро перерастает в военные столкновения, в которые втягиваются князья-союзники или родственники. Причем такими союзниками могут быть вовсе не ближайшие из родственников, и зачастую за власть в престижном уделе воюют между собой родные братья, да еще и втравливая в эту междоусобицу степняков-кочевников в качестве наемников²⁵.

Возвращаясь к нашим рассуждениям о психотипах людей верхних уровней социальной иерархии, можно сказать следующее. Конечно, только что описанная разница между организацией структуры средневекового правящего класса Европы и Руси накладывает свой отпечаток на менталитет людей, в этот класс входящих. В Европе даже простой рыцарь ухитряется уже воевать самостоятельно, хотя, естественно, в качестве вассала может быть призван на войну своим сюзереном, а тот — королем. На Руси *только князь* воюет сам, по собственному произволу. Даже самый знатный, родовитый боярин — у него на службе. Конечно, он может уйти к другому князю, и никто не может ему этого запретить: он вольный человек. Но тогда пусть приготовится расстаться со своим поместьем. И уж, во всяком случае, он не может вести какую-то *свою* войну. Так что понятно, что люди, входящие в правящий класс средневековой Европы и Руси, — носители несколько разных картин мира, поскольку выросли в разных субкультурах, хотя обе они — субкультуры верхнего слоя социальной иерархии. В Европе каждый, входящий в этот слой, чувствует себя свободным в своих решениях — несмотря на все законы о вассалитете, непрерывно нарушаемые до наступления эпохи абсолютизма. На Руси только собственно верхний, княжеский уровень обладает такой свободой. Все остальные вынуждены подчиняться их решению или уходить к другому князю, но опять же — на службу.

И все-таки главным в менталитете людей того слоя (или тех слоев), которые сами принимают решения, судьбоносные для подвластных им социумов, — это, конечно, всеподавляющая амбициозность и презрение к морали, порожденные жаждой власти. Конечно, у подавляющего большинства из них ума, прозорливости, энергии и личной харизмы несравненно меньше, чем у великих завоевателей и «объединителей» предыдущих поколений (хотя встречаются и исключения типа Вильгельма Завоевателя или Карла Смелого Бургундского), но *психотип* — тот же. И это дорого обходится нижележащим уровням социумов, да и средневековым государствам в целом. К тому же эта властительная амбициозность ничем не лечится, и никакой отрицательный опыт — как собственный, так и предыдущих поколений — ее не урезонирует.

Как известно, средневековая Русь жесточайшим образом поплатилась за неизлечимую амбициозность своих князей. Уже проигранная татаро-монголам битва при Калке (1224 г.) показала, как далеко они способны зайти в своем предательстве по отношению друг к другу и чем это кончается для государства в целом. Впрочем, именно личная амбициозность отдельных князей как раз и показала в тот момент, что никто из них не является патриотом Руси как целостного государства. Но самое страшное заключалось в том, что разгром на Калке никого из них ничему не научил: никакого «учета печального опыта» не произошло, никакие объединительные идеи в княжеской среде не пробудились, поэтому падение Руси при нашествии Батые было *абсолютно закономерно*. Так что эта национальная трагедия, помимо прочего — еще и *плод менталитета* высшего слоя русской средневековой правящей элиты²⁶.

Глава III. Общая исходная культурная ситуация к X веку.

Наконец, самое, на наш взгляд, главное, что характеризует культуры Западной Европы и Руси к «стартовому моменту», с которого начинается наше сравнительное исследование их культур. Культура Западной Европы послеримского времени, которую мы с полным основанием называем *европейской цивилизацией*, при всем том, что во многих отношениях она «новая», т. е. формирующаяся только после Великого переселения народов, является уже третьей по счету цивилизацией на этом континенте. Точнее, две предыдущие формировались в его южной части, откуда культурное влияние каждой из них распространялось почти на всю западную его часть.

О первой из них по времени мы знаем довольно мало и только из археологических источников. Она фактически бесписьменна и, по-видимому, является вторичной (производной) от первых цивилизаций Ближнего Востока — месопотамской и древнеегипетской. Возникла она в конце неолита — энеолите и охватила Балканы, в основном северную часть полуострова, дав там несколько родственных высокоразвитых культурных общностей городского (цивилизованного) уровня, так называемую халколитическую цивилизацию Балкан. Синхронно с ней по всему побережью Западной Европы, включая Британские острова, распространяется культура мегалитов, но до сих пор неизвестно, откуда она произошла, кто — этнически и лингвистически — являлся ее носителем, и можно ли о ней говорить как о цивилизации в строгом смысле этого слова. Но в любом случае, этот первый цивилизационный импульс был порожден доиндоевропейскими народами, потомки которых дожили, однако, до вторжения индоевропейцев в период ранней бронзы и наверняка передали им какие-то элементы своей культуры.

Вторая по времени европейская цивилизация — античная. Строго говоря, ее можно рассматривать как две цивилизации, непосредственно следующие друг за другом, или считать ее как минимум насчитывающей две фазы. Ранняя фаза — это вся эпоха бронзы, развитая крито-микенская культура, явно связанная с другими культурами, точнее, цивилизациями Восточного Средиземноморья, и сама постепенно расползающаяся по европейскому побережью средиземноморского бассейна и даже проникающая в черноморский бассейн. Поздняя фаза — это уже то, что мы хорошо знаем: Древняя Греция, Римская империя, их города-колонии по всему средиземноморскому и черноморскому побережьям, кельтская цивилизация в западной и центральной части Европы, ее постепенное включение в мир римской культуры, а затем включение в него и всех южных и западных германцев. И, наконец, крушение всего этого мира и становление на его обломках средневековой европейской цивилизации.

Но именно — *на его обломках*, а не на «пустом месте»! «Пустом» — в смысле «примитивно-культурном». Новым народам, пришедшим в Европу, было у кого и было чему научиться. Нельзя сказать, что они это делали охотно и с большим уважением к своим учителям: с большей охотой они их грабили и убивали. Но те правители, которые стали в Европе первыми «объединителями народов», при всех своих безграничных властных амбициях, жадности, жестокости и абсолютной аморальности, когда дело шло о захвате земель и установлении собственного единовластия на них, отнюдь не были дураками и тупицами. Это были умные и прозорливые люди, жадно тянувшиеся к тому, что осталось от старой европейской культуры, в том числе и от ее интеллектуальной и идейной сферы. И потому уже в VIII веке в империи Карла Великого начинается «каролингское возрождение», не прошедшее бесследно для становления общеевропейской культуры, по крайней мере, ее ранних этапов²⁷.

Часть I. Вводная

Так вот, ничего этого не было там, где формировалась Древняя Русь. При всем том, что по времени она должна была бы называться средневековой, в «культурно-стадиальном» отношении она действительно *древняя*, поскольку на той территории, которую она охватила, является *первой культурой, которая достигла уровня цивилизации!* И на всей территории Восточной Европы у нее единственная соседка и конкурентка — Хазария, но и та формируется, проходя все стадии становления цивилизованного (оседлого городского) государства синхронно со становлением Руси как единого государства. В этом смысле они — ровесницы, поскольку растут на «пустом», в означенном выше смысле, месте²⁸.

В данном случае античные города-государства севера черноморского побережья — почти не в счет: Русь с ними соприкасается тогда же, когда и с Византией, и это чрезвычайно важно для проникновения и через них в русскую культуру христианства и многих других элементов европейской культуры. Но они не входили как таковые в территорию Руси, и их население не стало частью общерусского населения — в отличие от населения Римской империи, влившегося в население средневековой Европы *со своей повседневной культурой и картиной мира*. Тем более, что к моменту контакта с Русью античные города-государства Северного Причерноморья как самостоятельные единицы уже не существовали.

Поэтому все то, что от античного наследия достается древней Руси, — это тоненький информационный ручеек, текущий на Русь вместе с духовными лицами, несущими сюда христианство и прочие элементы образованности из Византии и черноморских колоний, к которому практически имели возможность «припасть» только верхние слои русской государственной иерархии. И некоторые из принадлежащих к ней людей действительно «припадали». Да еще то, что приносили из Европы купцы — какие-то товары, книги и рассказы, но и это по очевидным причинам также растворялось среди русской социальной верхушки. Таким путем в этой самой верхушке примерно с конца X — начала XI в. начинают формироваться зачатки русской интеллигенции, которая почти до конца XVII века так и будет представлена несколькими сотнями, в лучшем случае — тысячами людей на всю страну! Причем большинство из них будут людьми духовного звания, ведущими почти затворническую жизнь в монастырях. И это — в то время, когда в Западной Европе уже в полную силу работают университеты...

Вот так представляются нам «стартовые условия», с которых начинается наше сравнение культур России и Западной Европы в X веке. Понятно, что они отнюдь не равны, и у Европы есть очень основательная культурная «фора». И это, наряду с прочими обстоятельствами, очень основательно сказалось на темпах развития русской культуры. Но об этом ниже.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1

- ¹ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995.
- ² Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994. С. 11.
- ³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.
- ⁴ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. С. 16–17.
- ⁵ Braudel F. History and Social Science // Economy and Society in Early Modern Europe: Essays from Annales / Ed. P. Burke. New York: Harper & Row, 1972. P. 24.
- ⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.
- ⁷ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 151.
- ⁸ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 86–87.
- ⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- ¹⁰ Губман Б.Л. Культурно-историческая монадология // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 223.
- ¹¹ Там же. С. 15.
- ¹² См.: Radcliffe-Brown A.R. Methods of ethnology and social anthropology // Method in social anthropology. Chicago, 1968; Radcliffe-Brown A.R. Meaning and scope of social anthropology // Ibidem; Fortes M. Social anthropology at Cambridge since 1900. Cambridge, 1953. P. 16, 22, 43–44; Evans-Pritchard E.E. Social anthropology. London, 1951. P. 48, 56.
- ¹³ Radcliffe-Brown A.R. Methods of ethnology and social anthropology. P. 33.
- ¹⁴ Radcliffe-Brown A.R. Method in social anthropology. P. 76, 93.
- ¹⁵ Веселкин Е.А. Кризис британской социальной антропологии. М., 1977. С. 13.
- ¹⁶ In Antropologie politique. 2nd ed. Paris: PUP, 1967. Chapter 8.
- ¹⁷ Быховская И.М. Сравнительно-культурные (компаративные, или кросс-культурные) исследования // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 440.
- ¹⁸ Чэнь Чжухуа. О некоторых методологических принципах сравнительного изучения китайской и западной культур // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.
- ¹⁹ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. С. 16.
- ²⁰ Там же. С. 177.
- ²¹ Там же. С. 180.
- ²² Чэнь Чжухуа. О некоторых методологических принципах сравнительного изучения китайской и западной культур. С. 131–134.
- ²³ См.: Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. М., 1991. С. 161.
- ²⁴ См. об этой теории и ее приложении в культурологии подробнее: Соколов К.Б. Зачем нужно изучать социокультурную стратификацию общества // Социологические проблемы художественной жизни / Под ред. Ю.В. Осокина. М., 1993; Осокин Ю.В. Художественная культура в процессах социальной дифференциации. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1995; Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. СПб., 1996; Черноsvитов П.Ю. О зависимости «картины мира» от типа мышления (интуитивные и аналитические компоненты в его организации) // Мир психологии. 1996. № 4; Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Дисс. ... док. филос. наук. М., 1999; Осокин Ю.В. Социальное бытие искусства как объект культурологического исследования. Дисс. ... док. филос. наук. М., 1999; Жидков В.С., Соколов К.Б. Картина мира и искусство. СПб., 2002; Цветущая сложность: разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов / Под ред. К.Б. Соколова, П.Ю. Черноsvитова. СПб., 2002; Черноsvитов П.Ю. Эволюция картины мира как адаптационный процесс. М., 2003.
- ²⁵ См. сноску 24.

Часть I. Вводная

К главе 2

¹ *Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. Сб. статей. М., 1988; *Черных Е.Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. Сб. статей. М., 1988.

² *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994; *Седов В.В.* Этногенез славян по археологическим данным // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. I. М., 1993.

³ Энеолит СССР. Серия «Археология СССР». М., 1982. С. 165–252.

⁴ *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древних миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. Сб. статей. М., 1972; *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. Ч. I, II // Вестник древней истории. 1982. № 3, 4; *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2-х т. Тбилиси, 1984. Т. I, II; *Брюсов А.Я.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // Советская археология. 1961. № 3.

⁵ *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 95–97.

⁶ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Серия «Археология СССР». М., 1989. С. 9–146.

⁷ *Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978; *Черных Е.Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы.

⁸ *Блаватская Т.В.* Ахейская Греция. М., 1966; *Блаватская Т.В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976; *Сидорова Н.А.* Искусство Эгейского мира. М., 1972.

⁹ *Блаватская Т.В.* Ахейская Греция; *Блаватская Т.В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура.

¹⁰ *Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф.* Кельтская цивилизация. СПб.; М., 2001.

¹¹ *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 159–199.

К главе 3

¹ *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 287–289.

² Там же. С. 159–199, 233–286.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 316–318. Впрочем, это довольно спорный вопрос. Пшеворскую культуру иногда тоже считают готской либо бастарнской.

⁵ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Серия «Археология СССР». М., 1982. С. 269–291; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998; Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. М., 1996.

⁶ *Вернадский Г.В.* Древняя Русь.

⁷ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 248–256.

⁸ *Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989; *Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черношвитов П.Ю.* Загадки Древней Руси. М., 2001. С. 285–338.

⁹ Всемирная история. Т. II. М., 1956. С. 786–791.

¹⁰ Там же. С. 805–812.

¹¹ История Европы: В 8-ми т. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 216–218.

¹² Всемирная история. Т. II. М., 1956. С. 811–812.

¹³ История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. С. 65–193.

¹⁴ Там же. С. 565–570.

¹⁵ Там же. С. 273.

¹⁶ Там же. С. 72–74

¹⁷ Там же. С. 231–256.

Литература и примечания

- ¹⁸ История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. С. 560–590.
¹⁹ Там же. С. 194–209.
²⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 250–284.
²¹ История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. С. 112–126.
²² Там же. С. 260–310.
²³ Там же. С. 207–209.
²⁴ Там же. С. 178–185.
²⁵ Там же. С. 204–207, 209–212; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 302–335.
²⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 490–513.
²⁷ История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. С. 118–126.
²⁸ Там же. С. 221–225; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 36–44.